

В статье предлагается концептуализация Пограничья в рамках разных теорий и подходов. Основное внимание уделяется Восточноевропейскому Пограничью, т. е. странам, находящимся сегодня между Россией и Европейским Союзом (Беларусь, Украина, Молдова), для которых проблема Пограничья ставится как проблема их будущего развития — либо по пути интеграции с одним из указанных центров, либо развивая свою собственную многоплановость, многосубъектность и выполняя роль «культурного посредника» между Западом и Востоком.

Ключевые слова: *Восточноевропейское Пограничье, постколониальный дискурс, сетевая перспектива, цивилизация, интеграция, Беларусь, Украина.*

Введение

Предметом данного исследования является концептуализация Пограничья в разных теоретических ракурсах и рассмотрение возможностей использования этого понятия для интерпретации Беларуси и Украины как некоей пространственно-территориальной и ценностной зоны, находящейся между двумя основными центрами притяжения в Европе, Евросоюзом и Россией. Теоретическое переосмысление Пограничья может способствовать формированию более «мягкого» (недихотомического) подхода к пониманию геополитического положения этих стран в Европе и их неоднозначных отношений с Россией.

Существует много теорий, используемых для концептуализации Пограничья. Эта тема интересна прежде всего для исследователей, представляющих данный регион: чаще всего они пытаются применить к Пограничью уже известные более широкие научные подходы. При этом авторы подобных интерпретаций различаются по политическим и парадигмальным предпочтениям, при общем акценте на особые ценности Пограничья, которые, собственно говоря, и позволяют выделять его как некий пространственно-территориальный регион.

В центре внимания данной статьи находится так называемое Восточноевропейское Пограничье, т. е. три страны между Россией и Евросоюзом. Основное внимание будет уделено Украине и Беларуси как

Титаренко Лариса Григорьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (larisa166@mail.ru).

странам, непосредственно граничащим с указанными «центрами притяжения», тогда как Молдова не имеет общей границы с Россией.

Из разнообразных подходов к Пограничью, артикулируемых исследователями данного региона (В. Акудович, И. Бобков, О. Бреский и О. Бреская, Т. Зарицкий, Н. Рябчук, А. Садовский и др.), можно выделить несколько, представляющих наиболее адекватными данному региону, которые и будут рассмотрены в статье.

Основные подходы к определению Пограничья

Прежде всего, это концептуализация Пограничья в рамках понятий «центр» и «периферия». Иерархическое разделение современного мира на ядро, полупериферию и периферию представлено в теории Валлерстайна и выражает, по мнению автора, несправедливость глобального перераспределения ресурсов и асимметричность конкуренции в современном мире (Валлерстайн 2008; Wallerstein 2004). В рамках этой концептуализации Пограничье онтологически связано с топологизацией той части (зоны) пространства, которая находится на значительном удалении от центра, где формируются смыслы и аккумулируются ресурсы. Разделение на «центры» и «периферии» принято и в ряде других геополитических и социальных теорий, использующих метафоры ландшафта и поля. При этом «центр» (или центры) определяется как средоточие ресурсов, совокупность которых позволяет ему (им) доминировать над перифериями. Если полупериферии еще имеют возможность получать от ядра-центра какие-либо ресурсы и в этом качестве сильнее привязаны к центру, то периферии обладают более низким статусом. Отсутствие ресурсов ставит их в положение аутсайдеров современного миропорядка.

Терминами центра-периферии оперирует украинский социолог Юрий Савельев, когда рассматривает возможности европейской интеграции для трех стран, Украины, Беларуси и Молдовы, называемых «восточноевропейским пограничьем» (Savelyev 2011: 71). По его мнению, интеграция «в Европу» — единственный путь «успешного развития периферийных обществ Восточной Европы». Другие два возможных варианта развития — это интеграция с Россией или самостоятельное развитие как «буфера между двух сторон» (Ibid: 73).

Однако Пограничье — это не периферия в прямом смысле. Место Пограничья в теориях, оперирующих категориями центра-периферии, не совсем однозначно. Пограничье — зона *между* двумя или несколькими центрами. Если периферии определяются тем, что заимствуют идентичность у цивилизационных центров, притягиваются к ним, как к магниту, и обращаются к центрам за символическим смыслом, то «граница» несет самостоятельный смысл раздвоения и демаркации. Как утверждает Р. Коллинз, цивилизационный «центр» требует лояльности внутри

своего пространства и определяет его социальную идентичность, пытается также включить более отдаленное от него пространство в свою «зону притяжения», в свои социальные взаимодействия (Collins 2001: 421–422). Границы пересечения цивилизаций — это место противопоставления различных культур и идеологий, борьбы разных идентичностей. С одной стороны, каждая из цивилизаций вынуждена принимать артикулированный вид, чтобы отстаивать свою значимость перед другой цивилизацией и культурой, демонстрировать «привлекательность», с другой, — различные культурные парадигмы вынуждены сосуществовать в одном пространстве. На уровне повседневности такое сосуществование ведет либо к их противоборству, либо к их взаимному приспособлению. Можно ожидать, что в Пограничье будут локализовываться два типа культурных процессов: кристаллизация оппозиций и взаимная адаптация практик взаимодействия. Результатом кристаллизации является сегрегация культур и поселений, а также нарастание соперничества между сторонами (как в знаменитом Чикаго в 1920–1930-х гг.). Результатом же адаптации является взаимопроникновение культур (например, осевшие в Средние века на территории Беларуси татары переняли белорусский язык, хотя и сохранили на письме арабскую вязь). Для структуры ценностей Пограничья характерна определенная целостность и синкретизм сосуществующих там ценностей, богатство его ценностных составляющих. Периферия, в отличие от Пограничья, в принципе, всегда значительно «беднее» центра.

Некритический перенос смысла периферии на Пограничье лежит в основе так называемой парадигмы Пограничья польского социолога Томаша Зарицкого, предложенной им для анализа Восточной и Центральной Европы. Автор утверждает, что «регионы, которые обычно относят к категории пограничья, являются главным образом, хотя и не всегда так однозначно, регионами периферийными» (Зарицкий 2011: 80). В его интерпретации центр и периферия сущностно различаются как в ценностном отношении, так и по другим параметрам. Например, хотя и не существует формального запрета на креативность периферий, структура доминирования центра над перифериями диктует постоянное отставание последних (Zarycki 2009: 112). Согласно концепции этого исследователя, если рассматривать Пограничье как форму периферии, то оно устремлено к различным центрам, в которых артикулируются разные ценности. При этом Пограничье притягивается к двум цивилизационным магнитам одновременно. Результатом подобного центростремительного притяжения является ценностное «опустошение» Пограничья, которое в данном случае — в отличие от периферии как таковой — как правило, компенсируется присутствием детерриториализированных классов «блюстителей норм и порядка» на пограничных территориях —

военных и идеологов. Таким образом, если рассматривать Пограничье как вид периферии, то в результате «притяжения центров» из Пограничья происходит отток всего креативного в цивилизационные центры, а само пограничное население как население периферии становится слабым выразителем ценностной и культурной специфики центра (центров).

Подход польского социолога к восточноевропейскому Пограничью как к периферии абсолютизирует позицию, которая за точку отсчета принимает ценности «цивилизационного центра». Такая позиция изначально делает центр привилегированным полюсом, средоточием всех идей, идентичностей и ресурсов, притягательных для остальных территорий (включая Пограничье). Эта парадигма вообще не предполагает наделять Пограничье как своеобразную культурную зону какой-либо особой (вне угла зрения «центра») ценностью.

В теоретическом отношении данная парадигма некритически постулирует «центр-периферию» как асимметричную ось, где центру уделяется больше внимания, и где, собственно говоря, выстраиваются ценности и нормы, далее распространяемые на периферию. Такая трактовка просто повторяет концептуализацию «ядра-периферии» Валлерстайна. Кроме того, данный подход можно сравнить с теорией моды Габриэля Гарда: мода всегда зарождается в центре, становится «диктатом» сначала там, а потом распространяется на периферию, которая, таким образом, сама по себе не креативна (хотя сегодня эта теория представляется довольно примитивной и редуccionистской).

В современных условиях центр-периферийный подход используется Европейским Союзом в программе Восточноевропейского партнерства, в рамках которой навязывает свои «правила игры» и ценности шести постсоветским странам, не относящимся к юрисдикции Евросоюза, но включенным в круг интересов ЕС. Таким образом, постулируется асимметрия отношений, и ценности постсоветской «периферии», лежащей за пределами Евросоюза, вообще не принимаются во внимание, зато насаждаются ценности и идентичности «центра». Признавая геополитическую асимметричность такой политики, даже некоторые западные политологи считают ее воспроизводящей постколониальный дискурс и создающей в Европе новые жесткие разделительные линии, делящие ее на «крепость Европу» и «не-Европу», куда включены восточноевропейские страны — соседи ЕС (Follis 2012; Scott, Liikanen 2010).

Парадигма «Пограничье как периферия» критикуется также за отсутствие четких критериев выделения, на основе которых можно предположить миграцию из Пограничья к тому или иному одному центру. Поэтому дихотомия типа «Запад — весь остальной мир как его периферия» (the West and the Rest) на постсоветском пространстве не «работает»

(Yevarouski 2007: 148). Пограничья не обязательно являются зонами сегрегации (как в случае Израиля и Сектора Газа), и привлекательным центром для населения Пограничья может служить как один, так и второй (третий и т. д.) центр (например, Закарпатье или южный Тироль). Кроме того, часть населения Пограничья вообще не тяготеет ни к какому центру, находя само Пограничье самодостаточной средой для жизни.

Вторая концептуализация Пограничья производится в сетевой перспективе, которая раскрывает разницу между центром и перифериями как сетями разной плотности и различной интенсивности взаимодействия акторов. В сетевой трактовке периферии активно порождают новые значения и ценности, но не имеют достаточных средств для их артикуляции и закрепления, поскольку на периферии преобладают слабые связи. С одной стороны, на периферии, с ее множественными субъектами, создаются более разнообразные идеи, ценности, чем в центре, где имеет место более жесткая иерархичность, с другой, креативные действия акторов на периферии, хотя и создают уникальные практики и разнообразные идеи, лишь увеличивают фрагментарность опыта, но не закрепляют на практике собственных инноваций, не реализуют своих идей из-за скудости ресурсов.

Таким амбивалентным представляется здесь и Пограничье: оно создает множество новых и противоречивых ценностей, зачастую используя конкурирующие ценности близлежащих центров, но не закрепляет их в своей повседневной практике. В зоне Пограничья происходит столкновение различных смыслов и образование новых идей, однако частота и интенсивность взаимодействий недостаточны, чтобы эти смыслы закрепились в качестве господствующих ценностей. Преобладание слабых связей и сетей низкой плотности обуславливает сложность однозначного принятия не только общих ценностей, но и общих стратегий действия. Поэтому вопрос, к какому центру примкнуть, всегда получает здесь множество неоднозначных ответов. Будущее Пограничья остается неопределенным, а разные группы интеллектуалов, репрезентирующих притяжение к разным «центрам», зачастую становятся оппонентами, почти не находящими общих точек пересечения между собой.

Учитывая расположение Пограничья между двумя центрами в рамках сетевого подхода, можно сказать, что оно играет роль проводника идей для обоих центров и переводчика с языка одной ценностной системы на язык другой. Таким образом можно объяснить ситуацию мирного сосуществования различных культур и создания новых значений в условиях Пограничья, а также неустойчивость новых значений и их слабое закрепление в культуре центра.

В сетевой перспективе значение Пограничья для центра определяется тем, что оно помогает выстраивать смысловые «мостики» между цен-

ностями и логиками культур, принадлежащих к разным цивилизациям. Пограничье предстает местом встречи различных культурных смыслов при относительно низкой интенсивности их столкновения, что позволяет вырабатывать возможные компромиссы и создавать новые значения из смыслов различных культур. В этом аспекте в русле сетевого подхода можно классифицировать рассуждения о Беларуси и Украине известного венгерского социолога Пала Тамаша.

Главный тезис Тамаша касается практического определения этих стран и состоит в том, что ни при каком политическом раскладе Евросоюз не захочет нового крупного расширения на восток. Ни Украине, ни Беларуси не стоит даже рассчитывать на вхождение в Евросоюз в ближайшие 20 лет. Этим странам надо развиваться именно как Пограничье, т. е. быть посредниками и проводниками между двумя крупными игроками, Евросоюзом и Россией. Не противостояние, не борьба с ними, не полное слияние с одним из этих центров силы, а взаимодействие с обоими — прежде всего, в своих собственных интересах.

Выбор такой политической модели развития обуславливается, по мнению Тамаша, не особой любовью к одному из этих полюсов, не духовной близостью этих стран к России или Евросоюзу, а «жестким прагматизмом, имеющим реальную геополитическую подоплеку» (Тамаш 2011а). В частности, Тамаш считает необходимым для Украины укреплять свою роль в пограничном регионе, куда, кроме Беларуси, он включает также Молдову и Литву*. Такое условное региональное сообщество не должно быть направлено ни против интересов России, ни Евросоюза, скорее оно могло бы решать геополитические интересы данного региона, где Украине отводилась бы важная роль посредника.

Региональное объединение стран — это жизненная стратегия Пограничья, где этим странам приходится решать общие проблемы существо-

* В этом отношении с Тамашем можно поспорить, т. к. политическая элита Литвы позиционирует свою страну, как и Польша, только как «полноценную Европу», а не как Пограничье. Литва быстро избавилась от культурных символов ее прошлого, связанного с Россией и СССР. Даже памятник А.С. Пушкину был убран из Вильнюса как якобы символ «российского империализма», а в пике Польше возведен памятник Мицкевичу как «литовскому поэту». В Украине и особенно Беларуси такие процессы невозможно представить. Так, в Беларуси в 1999 г. был открыт памятник А.С. Пушкину, а в 2003 г. — Адаму Мицкевичу: оба теперь украшают белорусскую столицу, символизируя разнообразие культурных ориентаций страны. За постсоветский период в Минске был возведен только один значительный исторический памятник белорусскому деятелю культуры — первопечатнику Франциску Скарине. Остальные новые скульптуры не связаны с историей культуры и уместны в любом городе мира, т. е. не демонстрируют культурных ориентаций страны.

вания между двумя полюсами силы. Поскольку Пограничье имеет много субъектов действия и общий контекст, постольку различные конфигурации этих субъектов действия могут стать успешными игроками в поиске новых компромиссов между Востоком (Россией) и Западом (Евросоюзом), осуществляя функции коммуникации. И если с точки зрения Тамаша Беларусь может быть охарактеризована не только как Пограничье, но и как «двойная периферия» (Евросоюза и России) в культурном плане (Тамаш 2011б), то Украина вообще не периферия, а механизм коммуникации между Востоком и Западом, причем коммуникации разноплановой, осуществляемой в разных формах и на разных уровнях (Тамаш 2011а).

Остается, тем не менее, важный вопрос, на который сетевая перспектива не может ответить: где именно начинается Пограничье? По-видимому, Пограничье как особая область может быть локализована внутри сети только ее собственными представителями. В таком случае затруднено определение Пограничья представителями других культур, как и верификация любого подобного определения. Остается верным утверждение Коллинза, что ни центры, ни периферии не совпадают с границами государств (Collins 2001: 421), поэтому к восточноевропейскому Пограничью, например, вполне относимы определенные регионы и Польши, и Литвы, и Беларуси, и Украины.

Следующий важный подход к Пограничью, разрабатываемый преимущественно белорусскими и украинскими авторами, — рассмотрение Пограничья в «постколониальном» дискурсе. Данный подход «отпочковался» от общего теоретического центрo-периферийного подхода и получил самостоятельность за счет того, что постепенно вывел рассмотрение Пограничья за рамки периферии. В данной статье мы рассмотрим его в той версии, в которой он был разработан белорусскими учеными в начале 2000-х гг., хотя в более широком смысле постколониальное рассмотрение Пограничья актуально для всех стран восточноевропейского региона, т. к. основано на применении к анализу Пограничья постколониального дискурса*.

* Этот дискурс стал предметом исследования на научном региональном семинаре ученых трех стран, Беларуси, Украины и Молдовы в 2004–2006 гг., который проводился в рамках проекта «Восточно-Центральное Пограничье в контексте новой гуманистики» Европейским гуманитарным университетом в Вильнюсе. Разработанный там дискурс был плодом совместной деятельности историков, политологов, социологов, культурологов, философов, представителей других социальных наук, его результатами стали сборник «После империи» (2005) и монография о пограничье (Бреский, Бреская 2008), а также многочисленные журнальные статьи, посвященные проблемам Пограничья.

Суть подхода состоит в анализе постсоветских стран в рамках постколониального дискурса. Для образца были взяты страны Центральной или Южной Америки, рассматриваемые в терминах постколониализма и преодоления его наследия. Белорусские теоретики перенесли схему рассмотрения стран указанного региона, разработанную латиноамериканскими авторами, на Беларусь. Еще раньше российские авторы проводили подобные аналогии и с Россией (см. Филатов 2008: 39). Согласно этому подходу, акцент делался на рассмотрение постсоветских стран как периферии в мировой колониальной и постколониальной системе. В качестве «общего» для стран Южной Америки и бывшего СССР указывалось состояние раздвоенности, неопределенности, в котором они пребывали после «освобождения» или приобретения политической независимости. В отношении Беларуси, в частности, указывалось, что она не избавилась от многих институтов, доставшихся от колониального (т. е. советского) прошлого, и поэтому перенесение сюда новых институтов и практик, заимствованных с Запада, не приносит ожидаемых результатов, остается поверхностным и имитационным. В рамках этого дискурса сами белорусы рассматривались как «креолы» (И. Бобков, Л. Абушенко), т. е. как результат смешения местного («тутэйшего») и наносного, чужого (советского-имперского) качеств. Креольство — социокультурное понятие, некий символ для обозначения раздвоенности существования Беларуси, которая одновременно и находится в границах притяжения «старого» (здесь — имперского, российского) центра, и желает из него выйти. Концептуально «тутэйшыя» могут рассматриваться как «первичный субъект Восточной Европы, первичный элемент ее пространства» (Бреский, Бреская 2008: 13), хотя далее необходим выход на других субъектов за пределами первичного пространства Пограничья, на более высокие уровни макросообщества, существующие в Пограничье.

В отличие от теории Пограничья как периферии (включая сетевую периферию), дискурс креольства предполагал выход страны (в данном случае — Беларуси) за пределы «нетворческой постколониальной периферийности» посредством осознания себя тем, что она сегодня есть — т. е. социокультурным Пограничьем, не чуждым разного рода ценностей и бывшей метрополии, и ее противоположностей (Бобков 2005). Такой ракурс лишает центры (сколько бы их ни было) привилегированного культурного статуса по отношению к Пограничью, ибо оно из периферии превращается в полноценную по культурному статусу категорию.

Эта трактовка разрушает схему рассмотрения, в рамках которой только культурно однородные, гомогенные страны или регионы могут считаться полноценными в культурном пространстве. Даже если последние и сохраняют статус центра, они не могут навязывать свои цен-

ности другим странам: только часть из бывших «колониальных регионов» остается «периферией центров», тогда как между центрами формируются многочисленные Пограничья, не желающие примыкать ни к одному центру. Беларусь выступает здесь как мультиэтническая, полилингвистическая, поликонфессиональная страна, не желающая стать другой, т. е. лишиться своего поликультурного многообразия.

Последнее означает, что Пограничье — транскультурно. Именно поэтому оно должно быть выведено за рамки анализа в терминах «центр-периферия»: это вообще не «чья-то» периферия, а целостная топка, которая характеризуется собственной разделенностью, является местом «встречи и перехода Своего и Чужого, или Единого и Иного» (Там же: 128). В Пограничье люди не отделяют себя друг от друга (свои от чужих), это странное совмещение обеих позиций, которые могут сталкиваться, сравниваться, но не исчезают от этого столкновения, а сосуществуют.

По сути дела, речь идет об ином типе модерна по сравнению с хорошо известным западноевропейским типом. С позиции последнего, любой «иной тип» не имеет самостоятельной значимости, ибо не производит новых (в понятиях западного модерна) смыслов, а интегрирует уже известные смыслы, как бы подвергает их тестированию. Однако, с позиции самого Пограничья как особого варианта модерна, его самоценность очевидна (хотя бы для людей, живущих в Пограничье). При этом можно согласиться, что генеалогия восточноевропейского Пограничья связана как с традиционным типом (западноевропейского) модерна, так и с признанием иных его типов: ведь без их существования невозможно никакое Пограничье.

В случае Украины речь также идет о двойственности ее положения между Россией и Западом и необходимости избавления от «остатков колониального прошлого», чтобы быть самостоятельным государством (Рябчук 2011). Современная Украина — сознательно или неосознанно — во всех измерениях демонстрирует себя как Пограничье, т. е. соединяет фрагменты разных социокультурных направлений, рефлексирующих ее разнонаправленные связи и тенденции развития. И Украина и Беларусь еще не реализовали себя, т. к. не вышли полностью за пределы прежней зависимости.

Действительно, несмотря на проевропейскую риторику украинских элит, если обратиться к результатам многолетнего социологического мониторинга, проводимого Институтом социологии НАН Украины, то оказывается, что общественное мнение населения не демонстрирует однозначности геополитического выбора. По таким важным политическим вопросам, как выбор пути дальнейшего развития Украины, возможность присоединения к Союзу России и Беларуси, значительная часть респондентов отдает предпочтение восточному вектору. Напри-

мер, с 2001 г. более половины опрошенных высказываются за присоединение к Союзу России и Беларуси (Українське суспільство... Т. 2, 2011: 161), от 26 % до 34 % считают необходимым укреплять прежде всего «восточнославянский блок» (Там же: 158). И в то же время за то же десятилетие 2001-2011 гг. более 40 % опрошенных позитивно относились к идее вступления Украины в ЕС (Там же: 162). Приведенные результаты опросов общественного мнения подтверждают необходимость многовекторности в политике стран Пограничья, которая бы отражала интересы ее разнообразных субъектов деятельности, а не только правящих элит. Действительно, «пограничье есть нечто бесконечно разнообразное» (Бреский, Бреская 2008: 70), которому свойственна не целостность, а многосубъектность.

Исследовательский интерес представляет вопрос, может ли (и если да — при каких условиях) модель Пограничного модерна превратиться в другую его модель, т. е. либо «слиться» с уже имеющимся типом цивилизации модерна (западного или российского), либо навсегда избавиться от сущностных характеристик Пограничья (прежде всего таких, как транскультурность, неопределенность, внутренняя раздвоенность)? На наш взгляд, самым позитивным паттерном их дальнейшего развития было бы дальнейшее развитие в рамках Пограничья, т. е. сохранение своего нынешнего качества и культурного многообразия.

Таким образом, Пограничье можно определять с разных точек зрения. По оси «центр-периферия» Пограничье отождествляется с нецентральной позицией, поскольку центр обладает культурным магнетизмом, тогда как Пограничье характеризуется низкой степенью концентрации доминирующих ценностей, присущих культуре центра. Отсюда вытекает меньшая выраженность в Пограничье ценностей, присущих «центрам», при большей многозначности и толерантности значений и смыслов, характерных для жителей культурного Пограничья.

Определенным недостатком всех рассмотренных подходов является относительная субъективность выделения в них региона Пограничья, в частности, Пограничья в Восточной Европе.

Восточноевропейское Пограничье как особый регион?

В «новое восточноевропейское Пограничье», выделенное по геополитическим мотивам после расширения ЕС на восток в 2004–2007 гг., включают Беларусь, Украину и Молдову. При этом исследователи пытаются найти нечто общее, что объединяет эти страны в якобы единый «регион». Сугубо формальный критерий, а именно государственные границы этих стран, не представляется достаточным: в эпоху бурного развития трансграничных информационных потоков и глобализации границы утрачивают свое прежнее сдерживающее значение. В теориях

международных отношений такое разделение по границам стран давно было заменено «теориями постмодерна» (Савельев 2012). Однако пространственно-территориальный подход вряд ли уместен при определении восточноевропейского Пограничья: Беларусь, Украина, Молдова — это три разные страны, даже история которых не похожа. Как подчеркивают исследователи, «сообщества Восточной Европы представляют собой фрагментированную структуру» (Бреский, Бреская 2008: 34). Сегодня эти страны объединяют в понятие «восточноевропейское Пограничье» политические факторы, прежде всего — то, что они (1) были в составе СССР как восточного соседа Западной Европы, (2) не входят в состав ЕС и неизвестно, когда будут в него включены (а в связи с упадком евроэнтузиазма в самом ЕС — будут ли там вообще); тем самым (3) они становятся неким «новым старым буфером» между объединенной Европой и Россией.

Есть и культурные аспекты сходства: основной религиозной конфессией в этих странах является православие, и все три страны, по европейским меркам, относятся к довольно бедным странам Европы, из которых транзитом в ЕС идут потоки мигрантов, состоящие из граждан этих, а также третьих стран. Тем не менее, этих общих черт недостаточно: ведь так называемые православные страны есть и внутри ЕС, мигранты едут отовсюду, а в СССР входили и другие страны к востоку от ЕС. Однако поскольку сегодня только Беларусь, Украина и Молдова имеют общую границу с Евросоюзом (не считая России), именно этот фактор обуславливает особое внимание к данным странам.

В то же время страны нового восточноевропейского Пограничья имеют субстанциальные черты, не зависящие от конкретных границ этой территории и не исчезающие в разных исторических условиях. Прежде всего Пограничье характеризуется сохранением неофициального статуса культурной (а часто и политической) неопределенности, незавершенности, неокончателности протекающих там процессов и форм, конфигураций связей и отношений. Эта характеристика Пограничья не связана напрямую с внешними связями и формами проявления его культуры, она укоренена не в территории, а в латентных структурах данной культуры.

Так, например, многие феномены достаточно быстро укореняются в Пограничье, но так же быстро могут исчезать в нем, будучи просто поверхностным образованием (т. е. не укорененным и не сущностным). По историческим меркам, 20 лет после развала СССР — совсем небольшой срок, однако как много «навечно закрепленного» в советской культуре, менталитете «советского народа» практически исчезло в условиях восточноевропейского Пограничья! Первое — исчез атеизм как часть советского мировоззрения, якобы глубоко укорененного во всех совет-

ских людях. Исчезло и само это мировоззрение. На смену им вновь возродились не исчезающие и ранее в Пограничье, но затаившиеся, ушедшие в глубокое подполье при советской власти религиозность и материалистический прагматизм, в котором не коллективные, а свои, индивидуальные интересы являются приоритетом во всех сферах жизни (Шульга 2011: 443–444). Второе — исчезла политическая, общественная активность масс: членство в многочисленных организациях, политические собрания, исчез тот интерес к политической жизни, который в советское время представлялся базовым качеством «советского человека». Белорусские и украинские авторы постоянно отмечают пассивность населения в политической сфере, разочарование в ней (Куценко 2005; Українське суспільство... 2011, т. 1: 13). Третье — исчез сам так называемый советский человек, т. е. тот образ и модель, которые внедрялись в общественное сознание населения, в советскую литературу несколько десятилетий и, казалось, действительно стали реальностью. Еще в 1990-е гг. Ю.А. Левада с огорчением писал, что феномен «советскости» (коллективизма) неистребим (Левада 1993). Однако не только данные социологических исследований, проводимых в Беларуси и Украине (Манаев 2013; Злобина, Резник 2006), но и информация, полученная другими научными методами, позволяют утверждать, что «советский человек» — если он вообще существовал как реальность, а не пропагандистский лозунг — практически почти исчез. Население постсоветских стран демонстрирует не более высокий уровень коллективизма, чем многие другие страны, никогда не знавшие социализма (Инглхарт, Вельцель 2011).

Необходимо признать, что страны восточноевропейского Пограничья территориально принадлежат к «разным» Пограничьям и ориентированы не только на Евросоюз в целом, но на конкретные и часто разные его страны как «центр притяжения» — Польшу, Румынию (наряду с ориентацией на Россию). Так, Польша — страна, которая входит в пограничный дискурс для Беларуси и Украины совершенно по-разному. Границы между Польшей и Беларусью — как географические, так и интеллектуальные — динамичны, их близость константна даже в польских научных кругах (Pawluczuk 2007: 141–146). Если Украина и Польша в прошлые века постоянно вступали в конфликты, даже воевали друг с другом, то по отношению к белорусам у поляков выработался исторический стереотип покровительственного отношения. В польском дискурсе до сих пор употребляется обозначение «крэсы вхходне» (от польск. «крес» — конец, край), относящееся к Западной Беларуси, но также к Вильнюсу и Львову. Поэтому к этим территориям поляки относятся не как к «чужим». В свою очередь, у самих белорусов исторических претензий к Польше и полякам нет. Характерно, что у белорусов вообще

нет стереотипных «образов врага». Прагматично-толерантное отношение выработалось у белорусов ко всем народам-соседям, от россиян и украинцев до татар, которые издавна проживают на этой территории (в данном контексте речь не идет об отношениях политических элит соответствующих стран).

Важная черта всех Пограничий заключается в том, что народы этих стран сами себя рассматривают как совершенно нормальных, полноценных представителей современного общества. Правда, среди интеллектуалов (западных, российских, белорусских и украинских) считается, что менее выраженная белорусская национальная идентичность свидетельствует о несформированности белорусов как нации или об их пророссийской ориентации (Ластоўскі 2010; Marples 1999). В свою очередь, простые граждане Беларуси так не считают. Опросы населения показывают постепенный рост национальной идентичности в 2000-х гг., который происходит одновременно с уменьшением употребления белорусского языка в повседневной речи (Манаев 2013). Постепенно выстраивается гражданская национальная идентичность «современного» типа, не связанная с этничностью, религией или языком. В украинском дискурсе о национальной идентичности актуальными на протяжении 2000-х гг. были дебаты о том, когда и каким образом страна вступит в Европейский Союз, хотя до настоящего времени «страна не выбрала и не закрепила свою геополитическую идентичность» (Українське суспільство... 2011, т. 1: 562). До недавнего времени украинская идентичность конструировалась как национальная, а также как «европейская» (несмотря на определенную специфику интерпретации), а не как «восточноевропейская» (Злобина, Резник 2006).

Что касается белорусов, то, по мнению политолога Юрия Шевцова, это вообще не столько этническая группа, сколько «сущностная черта» всех живущих в этом регионе людей, независимо от их крови (приезжие и проживающие здесь короткое время не в счет, имеются в виду те, кто здесь социализирован). Шевцов пишет: «“Белорусскость” — это скорее технология жизни в данном конкретном регионе. Иногда — это технология выживания. В этом смысле белорус — это “тутэйшы”, белорусом можно быть, в общем, только в регионе Беларуси. Белорусом можно быть, только сделав сознательный выбор в пользу именно такой формы выживания» (Шевцов 2001). Это и есть констатация ситуации, определяемой Пограничьем.

В то же время при всех различиях в ориентациях на Россию или ЕС фактом остается неопределенность культурного и политического векторов развития Пограничья. Сегодня для Украины и Беларуси характерно «притяжение» как в сторону Евросоюза, так и России, стран бывшего СССР в целом. Так, по результатам исследований интеграционных

предпочтений населения всех постсоветских стран, проведенных Евразийским банком развития (2012), было выявлено, например, что в плане экономической интеграции более трети украинцев тяготеют к ЕС, а четверть — к СНГ. Та же двойственность характерна для Беларуси, только здесь к ЕС тяготело 32 %, а к СНГ 26 %. В политической сфере обе страны больше тяготеют к СНГ. В целом, общий индекс интеграционных симпатий Украины складывается с небольшим перевесом в сторону ЕС: к Западу 30 %, к Востоку 27 % (третьи страны мы опускаем), тогда как для Беларуси это соотношение складывается пока в пользу СНГ: 35 % против 26 % к ЕС. Очевидно, для Беларуси Россия остается более важным партнером и «центром притяжения», чем ЕС. Однако аналогичный индекс для самой России показывает, что лишь пятая часть респондентов высказывает интеграционные тяготения к СНГ, тогда как 31 % предпочитают ЕС (Интеграционный барометр... 2012: 66). Поэтому тем более важно для Украины и Беларуси развивать хорошие связи в обоих направлениях: в этом отношении их европейский вектор совпадает с вектором интересов и тяготений населения в самой России.

Таким образом, каждая страна, сегодня условно включенная в «восточноевропейское Пограничье», не повторяет тенденций развития соседней страны, а идет своим путем. Конечно, у всех стран восточноевропейского Пограничья много общего, что делает возможным их сравнительное исследование. Прежде всего, сегодня их объединяют общие задачи и проблемы постсоветской трансформации, но в их решении каждая страна использует разные стратегии, что подтверждает взгляд на восточноевропейское Пограничье как на бесконечное разнообразие. Иначе говоря, и политика стран, и их национальная идентичность развиваются по своим траекториям. Подчеркнем, что это постсоветское развитие на более ранних (в случае Беларуси) или поздних (в случае Украины) стадиях еще меньше похоже на развитие тех образцов, которые имели место в Центральной Европе и «старой» Восточной Европе в 1990-е гг.

Культурная гибридность в теориях Пограничья считается отличительной чертой пограничного положения (Филатов 2008: 44). В то же время сами жители не считают свою культуру или язык гибридными (Sadowski 2004). Для них ассимиляция разных ценностей, их усвоение и интериоризация протекают как нормальный процесс на уровне повседневности. Сама феноменология жизни в Пограничье делает этот процесс неизбежным.

Восточноевропейское Пограничье как субцивилизация

Если восточноевропейское Пограничье в целом нельзя рассматривать как «цивилизационную целостность» (Бреская, Бреский 2008: 70), поскольку составляющие его страны не являются чем-то единым, то

отдельные фрагменты этого Пограничья вполне могут претендовать на рассмотрение — в общих рамках цивилизационного подхода — в качестве субцивилизационной общности. Примером возможности такого рассмотрения может служить один фрагмент Пограничья.

Нынешнее население польско-белорусско-литовского Пограничья, включающее польское Подлясье, белорусские Гродненщину и Брестщину, а также западную и центральную часть Литвы, можно рассматривать как особую субцивилизацию — в том смысле, что локальная культурная идентичность здесь проявляется достаточно сильно: живущие здесь люди чаще, чем население «центров», идентифицируют себя как «местные», «тутошние», независимо от различий их политических систем и их собственной этнической принадлежности (Titarenko 2009). Наличие локальной (местной) и в то же время транскультурной по природе идентичности принимается здесь как важный критерий выделения субцивилизации, поскольку другие типы идентичности являются либо подчиненными этому типу, либо слабо развиты. Локальная идентичность развита на таком уровне, который либо превышает уровень развития этнической (национальной) идентичности, либо обе они примерно одинаковы (Holm-Hansen 2000: 95). Другие типы идентичности здесь тоже имеют место, однако эта региональность, локальность (не в смысле периферийности, а в смысле особенности, культурной выделенности региона как многоэтнического, мультикультурного, мультирелигиозного) существовала длительный исторический период.

Поскольку часть населения, проживающего на данной территории (в Польше), по своим этническим корням является украинской, можно считать этот регион Пограничья общей субцивилизацией всех проживающих здесь национальных групп и в определенном смысле — фрагментом рассматриваемых нами в качестве восточноевропейского пограничья Украины и Беларуси. Эта маленькая субцивилизация является примером Пограничья, т. к. проявляет все его основные качества: транскультурности, многоэтничности, полилингвизма, толерантности. Это культурный гибрид, разделенный государственными границами, но сохраняющий общие культурные традиции, ритуалы, локальную идентичность.

Сама идея рассмотрения указанного региона Пограничья как особого цивилизационного субрегиона (или субцивилизации) была выдвинута и обсуждена на международной научной конференции в Белостоке (2006) представителями разных стран Европы (в том числе стран, не относящихся к этому региону). Участники конференции признали право этой идеи на существование, поскольку данный регион действительно имеет культурную специфику и развитую локальную идентичность. Сущность данной идеи — в признании культурной самоидентичности

региона как двойственной, но в то же время позволяющей региону существовать в культурном поле как автохронному, т. е. не тяготеющему явно ни к одной из более сильных соседних цивилизаций — центров (Kowalska 2007).

Рассмотрение небольшого региона, территориально принадлежащего не только Украине и Беларуси, но и Евросоюзу (Польше и Литве), как пограничной субкультуры и субцивилизации, несколько условно: здесь совмещены территориальный и сущностный подходы к определению Пограничья, а сам предмет рассмотрения резко сужен до фрагмента восточноевропейского Пограничья. Однако данный подход раскрывает перспективу выделения и более крупного региона в отдельную (суб-) цивилизацию, которую сегодня мы называем Пограничной, но которая в будущем, возможно, подкрепит свой статус как самостоятельной цивилизационной (или субцивилизационной) общности.

Идея выделения данной пограничной субцивилизации совмещает два критерия — территориальный и культурный: территориальный (1) очерчивает регион, на который распространяется данная идея, а культурный (2) отражает культурные особенности, позволяющие относить регион к этой субцивилизации. Можно рассматривать субцивилизацию как метафору, т. к. она не имеет никаких четких границ: даже в культурном плане ее границы подвижны. Тем не менее, сама идея не беспочвенна: она уходит корнями в теорию многообразия модернов (Eisenstadt 2002).

Если согласиться с авторами теорий многообразия цивилизаций в том, что цивилизации не вечны, они возникают и исчезают во времени, то нет ничего странного и в темпоральности субцивилизационных регионов. Они тоже формируются обстоятельствами времени, событиями, и если условия их существования резко изменяются и эти изменения сохраняются исторически длительное время, то они могут исчезнуть (быть перестроенными в другую конфигурацию). Белорусско-литовско-польское Пограничье — именно такой случай. Здесь на протяжении нескольких веков (возможно, около 500 лет) формировалась данная субцивилизационная ситуация. Много раз регион разделялся разными государственными границами, но его качественные характеристики не исчезали, как не исчезли они и сегодня — после развала т. н. мировой системы социализма, включавшей в себя это Пограничье, после распада СССР, который включал его значительную часть (без Польши), и после вступления Польши и Литвы в ЕС. Не только Беларусь, но и соседние регионы остаются культурным Пограничьем: ведь граница не может быть односторонней, в ней всегда участвуют две стороны.

Наличие и поддержание региональной идентичности характерно и для польско-украинского и польско-украинско-белорусского (полес-

ского) Пограничья. Такое самоощущение «формировалось столетиями и не может быть разрушено отдельными политическими событиями, переносом границ, пересмотром политических связей» (Kowalska 2007). В любом случае, мы имеем дело с особым культурным регионом «пересечения», или «встречи» разных ценностей, причем встречи не временной и краткой, а длящейся века.

Все упомянутые «Пограничья», не представляя единого региона, сами по себе демонстрируют «встречу» Запада и Востока, католичества и православия, славянства и балтийских народов, других этносов, которые, обживаясь в этом пространстве, становятся «своими», «тутэйшими» (Sadowski 2001). Поэтому их нормативно-ценностные системы обязательно имеют специфику, отличающую их от соседей, живущих в «центрах».

Особенность восточноевропейского Пограничья состоит не в радикальном отличии характерных для него норм и ценностей, а в том, что «пограничные» условия существования этих стран (регионов) препятствуют целенаправленной реализации декларируемых населением ценностей (и даже принятых норм) в практической повседневной жизни. Иначе говоря, объективно сами условия существования в Пограничье затрудняют принятие одной из четко фиксируемых ценностно-нормативных систем, по которым, как правило, классифицируются (и ранжируются политически и экономически) страны, будь то Freedom House, критерии модернизации, или критерии и нормы, по которым страны «допускаются» в ЕС. Многообразии субъектов деятельности Пограничья обуславливает наличие в нем многих ценностно-нормативных систем, формальных и неформальных механизмов достижения жизненных целей, широкую вариативность вплоть до эклектизма, которую, однако, можно трактовать и как свободу действия субъектов в условиях отсутствия (или ослабления) общих нормативно-ценностных систем регуляции.

Пограничье не может культурно принадлежать лишь к одному полюсу из двух, между которыми оно расположено, даже если в отдельные промежутки времени оно репрезентирует один из них больше, чем другой. В этом смысле Пограничье не является периферией того или иного центра: это область их пересечения, составляющего социокультурную специфику пограничных регионов (независимо от наименования самого региона — восточноевропейский, белорусско-литовский, польско-украинский и т. п.).

Заключение

В рамках популярной сегодня теории модернизации в версии Р. Инглхарта и К. Вельцеля, связывающей модернизацию с культурными изменениями и демократией, Беларусь и Украина были включены

в несколько волн исследования ценностей. Хотя в самой теории модернизации нет даже термина «Пограничье», это понятие невольно возникает у исследователя при анализе результатов изменений в Восточной Европе. Все ценностные перемены здесь идут очень медленно. Случайно или нет, но в Восточном Пограничье ценности изменились гораздо меньше в сторону самовыражения, чем в западной зоне (Inglehart, Welzel 2005). Теория модернизации, несмотря на огромный массив эмпирических результатов, полученных в странах восточноевропейского Пограничья, вообще не придает Пограничью особого ценностного статуса, исходя из наличия общей линии прогресса, измеряемого ростом ценностей самовыражения. Тем не менее, эмпирические данные, полученные в исследованиях на базе этой теории, могут помочь разобраться в ценностном своеобразии в Украине и Беларуси.

Теория «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона (Хантингтон 2003), в которой также задействованы Беларусь и Украина как часть т. н. православной восточноевропейской цивилизации, также не позволяет исследовать какую-либо иную культурную специфику этих стран, кроме конфессиональной, и то упрощенной. Поэтому теория Хантингтона, как и теории центра и периферии, в которых Украине и Беларуси отводится роль периферии — окраины цивилизации, не находят сегодня поддержки у ученых и интеллектуалов региона.

Еще меньше помогают объяснить ценностную природу Пограничья политические теории, выделяющие понятие «новая Восточная Европа» (Hamilton 2008) и включающие сюда страны между ЕС и Россией по геополитическому критерию, уже рассмотренному выше. Данный критерий во временном ракурсе является непостоянным (сегодня одни страны не входят в ЕС и остаются в Пограничье, а завтра те же страны будут «допущены» — и тогда вся эта структура рухнет). По сущностному критерию страны здесь вообще не рассматриваются: как известно, в 2007 г. в Евросоюз были приняты Румыния и Болгария, которые по ряду критериев так и не «дотянули» до «порога», но геополитические интересы Евросоюза решили вопрос.

Бесперспективно искать ценностные различия в базовых сферах между отдельными странами, входящими сегодня в политически разные образования, но исторически имеющими больше общего, чем различного. Многие эмпирические критерии Пограничья остаются открытыми. Кроме банальных отсылок к «менее консолидированным» ценностям или «культурной гибридности» в теориях новой Восточной Европы, наряду с признанием более слабого экономического развития соответствующих стран, ничего нет.

Политически и экономически Беларусь и Украина — это «расходящиеся общества», так же, как Украина и Россия (Кущенко 2006). Несмот-

ря на советскую политическую униформность в недавнем историческом прошлом, сегодня эти страны оцениваются западными учеными и политиками чуть ли не как принадлежащие разным цивилизациям. И в этом видится исторический парадокс, определенная политическая ангажированность авторов, акцент на одних чертах и игнорирование других. Окончательное же решение проблемы сегодня остается открытым.

Подводя итог рассмотрению вариантов концептуализации восточноевропейского Пограничья, можно сказать, что Беларусь и Украина, несмотря на их реальные различия, все же остаются пограничными — каждая по-своему. Их объединяют общие задачи и то, что каждая страна ищет свой путь, имея общие исторические «шансы», обусловленные прошлым, а также сегодняшней исторической ситуацией.

Литература

Акудович В. Код отсутствия. Основы белорусской ментальности. Минск, 2007.

Бобков И. Этика пограничья: транскультурность как белорусский опыт // Перекрестки. 2005. № 3—4.

Бреский О., Бреская О. От транзитологии к теории пограничья. Очерки де-конструкции концепта «Восточная Европа». Вильнюс: ЕГУ, 2008.

Валлерстайн И. Модернизация: мир праху ее // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 2. С. 21—25.

Зарицкий Т. Парадигма прикордоння і центрo-периферійні підходи // Україна Модерна. 2011. № 18.

Злобина Е., Резник А. Гражданское пространство Украины: степень идентификации и факторы консолидации // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. № 2. С. 177—194.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные ценности и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

Интеграционный барометр ЕАБР. СПб.: Центр интеграционных исследований, 2012.

Куценко О. «Расходящиеся общества»: особенности системной трансформации в России и Украине // Мир России. 2006. № 3. С. 43—61.

Куценко О.Д. Зигзаги демократизации политического режима в Украине // Социология. 2005. № 3. С. 65—79.

Ластоўскі А. Русацэнтрызм як ідэалагічны праект беларускай ідэнтычнасці // Палітычная сфера. 2010. № 14. С. 58—79.

Левада Ю.А. Советский простой человек. М.: Мировой океан, 1993.

Манаев О.Т. Будущее Беларуси как проекция ее настоящего, 2013 [<http://youtube.com/jJr5thiNcY>, access 14.02.2013].

После империи: исследование восточно-европейского пограничья: сб. статей / под ред. И. Бобкова, С. Наумовой, П. Терешковича. Вильнюс, 2005.

Рябчук М. Постколониальный синдром. Спостереження. Київ: К.І.С., 2011.

Савельев Ю. Социология в поисках сущности современности: систематизация теорий общества модерна и модернизации // Социология: теория, методы, маркетинг. 2012. № 3.

Тамаш П. «Беларусь — это особый случай, но не уникальный» (2011б) [http://www.nv-online.info/by/201/politics/35560/2011]

Тамаш П. В нынешней ситуации элиты ЕС однозначно выскажутся в пользу России, а не Украины, 2011а [http://fraza.ua/stenograms/14.01.2011/107595.html]

Українське суспільство. Двадцять років незалежності. Соціологічний моніторинг: У 2-х т. Т. 1. Аналітичні матеріали / За ред. д. ек. н. В. Ворони, д. соц. н. М. Шульги. К.: Інститут соціології НАН України, 2011.

Українське суспільство. Двадцять років незалежності. Соціологічний моніторинг: У 2-х т. Т. 2: Таблиці і графіки / За ред. д. філос. н. Є.І. Головахи, д. соц. н. М.О. Шульги. К.: Інститутсоціології НАН України, 2011.

Филатов А. Идея «пограничья» как политика идентичности // Палітычная сфера. 2008. № 10. С. 39–47.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

Шевцов Ю. Белорусы и русские. Пространство и идентичность, 2001 [http://library.ikz.ru/puti-v-sibir-raznyh-narodov/beloruskii-put-v-sibir/YUrii-SHEvcov.-BELORUSY-I-RUSSKIE-PROSTRANSTVO-I]

Шульга Н.А. Дрейф на обочину: двадцать лет общественных изменений в Украине. К.: Друкарня «Бізнесполіграф», 2011.

Collins R. Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact // International Sociology. 2001. Vol. 16. No. 3. P. 421–437.

Eisenstadt S. (ed.) Multiple Modernities. London: Transaction Publishers, 2002.

Follis K.S. Building Fortress Europe. The Polish — Ukrainian Frontier. Philadelphia University of Pennsylvania Press, 2012.

Hamilton D. The New Eastern Europe: Ukraine, Belarus, and Moldova. Center for Transatlantic Relation. 2008. — 292 p.

Holm-Hansen J. Three perspectives on the borderland: The case of northeast Poland and the regions across the border// Pogranicze: Studia Społeczne / Ed. by A. Sadowski. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2000. Vol. 9. Pp. 95–113.

Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change and Democracy. New York: Cambridge University Press, 2005.

Kowalska M. W. (ed.). The New Europe: Uncertain Identity and Borders. Białystok: Uniwersytet w Białymstoku. 2007.

Marples D. Belarus: A Denationalized Nation (Postcommunist States and Nations). Amsterdam: Harwood academic publishers, 1999.

Pawluczuk W. The Polish-Belarusian Frontier in the Civilization Context // The New Europe: uncertain identity and borders. Białystok, Uniwersytet w Białymstoku, 2007. Pp. 141–146.

Sadowski A. Społeczne problemy miejscowości północno-wschodniej Polski w procesie transformacji. Wydawnictwo UwB, Białystok, 2001.

Sadowski A. Pogranicza i multikulturalizm w warunkach Unii Europejskiej — implikacje dla wschodniego pogranicza Polski (red.), T I i II. Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok, 2004.

Savelyev Y. European Integration and trends of development of Eastern European borderland // Наукові записки НаУКМА. Т. 122. Соціологічні науки. 2011. С. 71–79.

Scott J.W., Liikanen I. Civil society and the neighbourhood — reconciling supranational, national and local agendas // Journal of European Integration. 2010. Vol. 32 (5). Pp. 423–438.

Titarenko L. Belarus: a Borderland Civilization or a Civilization Outskirt? Sociological Reflection // *Limes: Cultural Regionalistics*. 2009. Vol. 2. No 1. Pp. 64–81.

Wallerstein I. World-Systems Analysis: An Introduction. Durham, North Carolina: Duke University Press, 2004.

Yevarouski V. The West and the Rest: Belarusian perspective // *The New Europe: uncertain identity and borders*. Białystok, 2007. Pp. 147–160.

Zarycki T. Peryferie. Nowe ujęcia symbolicznej zależności centro-peryferyjnych. Warszawa: Scholar, 2009.